

© Л. Н. Щанкина

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАСЛЕДСТВЕННЫХ И ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ МОРДВЫ ПО МАТЕРИАЛАМ В. Н. МАЙНОВА

В фокусе исследования — имущественные и наследственные отношения мордовских крестьян, проживавших на территории Поволжья во второй половине XIX в. Указанная проблематика, а также вопросы договорных и семейных отношений крестьянского населения России в целом нашли отражение в дореволюционной науке. На том этапе происходило не только расширение ее источниковой базы, но и введение в оборот существенного массива данных соответствующей юридической практики. Основным ресурсом для написания статьи послужил опубликованный в 1885 г. труд Виктора Николаевича Майнова «Очерк юридического быта мордвы», в который включены сведения, собранные им в 1877 г. в ходе этнографических выездов в губернии Европейской части страны (Казанскую, Нижегородскую, Пензенскую, Самарскую, Симбирскую и Тамбовскую). В монографии описаны ключевые элементы семейного права (в частности, формы и условия заключения брака, семейные разделы, взаимоотношения членов семьи) и на большом фактическом материале рассмотрены такие сферы права, как наследственное, имущественное, вещное и договорное в аспекте их значения в жизни мордовского народа. Автор статьи отмечает источниковедческую значимость труда В. Н. Майнова для изучения истории становления правовой культуры мордвы, поскольку многие ее стороны, в частности, наследственное право мордовских крестьян до сих пор остаются мало исследованной страницей отечественной историко-юридической науки.

Ключевые слова: Поволжье, мордовские крестьяне, наследственные отношения, имущественные отношения

Ссылка при цитировании: Щанкина Л. Н. Историко-правовые аспекты наследственных и имущественных отношений мордвы по материалам В. Н. Майнова // Вестник антропологии. 2024. № 2. С. 322–334.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-2/322-334

Original Article

© Lyubov Shchankina

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF HEREDITARY AND PROPERTY RELATIONS OF THE MORDOVIANS BASED ON MATERIALS BY V. N. MAINOV

The focus of the study is the property and hereditary relations of Mordovian peasants who lived in the Volga region in the second half of the 19th century. This problem, as well as the issues of contractual and family relations of the peasant population of Russia as a whole, was reflected in pre-revolutionary science. At this stage, the research expanded significantly the amount of sources on this topic and introduced abundant data from the relevant legal practice. The present article is based on “An Essay on the Legal Life of the Mordovians” by Viktor Nikolaevich Mainov published in 1885, which includes all the information he collected in 1877 during ethnographic research in the provinces of the European part of the country (Kazan, Nizhny Novgorod, Penza, Samara, Simbirsk and Tambov). The monograph addresses important elements of family law (in particular, the forms and conditions of marriage, property division, relationships between family members) and considers hereditary, property, material and contractual law in the life of Mordovians on a large factual material. The author of the article highlights the significance of V. N. Mainov’s work for studying the history of the legal culture of the Mordovians, since many of its aspects, in particular, the hereditary law of Mordovian peasants, still remain understudied in Russian historical and legal science.

Keywords: Volga region, Mordovian peasants, hereditary relations, property relations

Author Info: Shchankina, Lyubov N. — Doctor of History, Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: schanckina@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5512-679X>

For citation: Shchankina, L. N. 2024. Historical and Legal Aspects of Hereditary and Property Relations of the Mordovians Based on the Materials by V. N. Mainov. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2:322–334.

Важное место среди основополагающих для понимания истоков и процесса формирования любого народа факторов, и в том числе мордвы, занимает исследование таких аспектов его бытования, как обычное право, брачно-семейные, имущественные и наследственные отношения. На данном этапе развития исторической и этнографической науки становление правовой культуры отдельных народов выступает неотъемлемой составляющей при рассмотрении целостной картины меж- и внутри-этнических отношений, что обуславливает интерес автора к заявленной тематике.

Знакомство с народными юридическими обычаями крестьян, как и их систематический сбор, началось сразу после отмены крепостного права. Скрупулезно проводилось изучение неписаных законов и правовых норм, бытовавших в сельской

среде и регулировавших повседневную жизнь людей. С 1862 г. стали подготавливаться программы для сбора юридических обычаев населения России (А. Матвеев, Е. И. Якушкин, А. Ф. Поворинский) (*Матвеев* 1867; *Якушкин* 1875; *Поворинский* 1886). Серьезный вклад в решение этой задачи внес известный исследователь В. Н. Майнов. По его словам, «...[мы] сделали все от нас зависевшее, чтобы дать этот скромный труд по юридическому быту миллионного народа для того, чтобы возможны были дальнейшие исследования в этом направлении» (*Майнов* 1885: 267).

В советской историографии проблемы обычного права мордовского народа исследовались слабо и лишь в начале XXI в. отметился всплеск интереса к этой тематике. В частности, в 2005 и 2009 гг. были изданы труды Ю. Н. Сушковой (Мокшиной), в которых освещаются юридические традиции брака и семьи у мордвы, в том числе затронуты вопросы, связанные с имущественными отношениями в семье (*Мокшина* 2005; *Сушкова* 2009).

По законодательству второй половины XIX в. основанием для возникновения права наследования служило кровное родство (*Победоносцев* 1889: 280; *Пахман* 1879: 210). Некоторые дореволюционные исследователи, в частности П. С. Ефименко, И. Г. Оршанский, И. М. Тютрюмов, таковым основанием признавали личный труд. По мнению сторонников трудовой теории, на получение соразмерной доли имущества должны иметь право не только кровные родственники, но и те, кто участвовал личным трудом в ее накоплении (*Мухин* 1888: 12–14). Подобное утверждение, на наш взгляд, является ошибочным, поскольку сам по себе личный труд не устанавливает наследственных прав. В соответствии со сказанным расчет с лицами, жившими в крестьянской семье и не принадлежавшими к ней на правах ее членов, за их труд осуществлялся как с годовыми работниками и никаких прав на семейное имущество они не имели.

У мордвы также основанием для получения наследства служило кровное родство. При этом важное значение в народном быту придавалось именно фактической принадлежности к семье. Установлено, что кровные родственники, отделившиеся (а значит отныне проживавшие отдельно) и не поддерживавшие какую-либо связь с родительским домохозяйством и его членами, устранялись от наследования. Решение данного вопроса принималось главой семейства и зависело от его отношения к отделившемуся: последний мог лишиться причитавшегося ему имущества, потерять право на участие в разделе и перестать быть членом семьи. Отделившиеся и вышедшие из семьи не участвовали в дележе семейного имущества, поскольку либо уже получили положенное им по праву, либо отходом прямо показали желание разорвать отношения с семьей и впредь не иметь с ней дел. Дурного или неисправимого сына отец мог отдать «в люди», т. е. в работники, однако срок такого пребывания не должен был быть долгим, чтобы ребенок не отбил от семьи, т. е. сохранил с ней связь.

Мордва дорожила тем обстоятельством, что члены семьи постоянно чувствовали непосредственную связь с семьей. У мордвы-эрзи сын в возрасте 30 лет освобождался от дачи отчета в своих действиях, в соответствии с этим у них происходило большее количество семейных разделов в сравнении с мокшей. Однако по достижении сыном указанного возраста отнюдь не прекращалась родительская опека. Другими словами, если материальная опека могла завершиться, то нравственная — никогда и отец имел право руководить сыном, советуя и указывая. У мокши по данному поводу зафиксированы пословицы: *И отсазыре йорась, тэтя ашызь мэрьга* («И царь хотел, а отец не велел»), *Аля и калмаза муйи* («Отец и в гробу найдет») (*Майнов* 1885: 129, 132).

Таким образом, отец обладал практически неограниченной властью. Однако утверждать при этом, что отношение детей к родителям определялось исключительно страхом, было бы ошибочно. Главным условием благосостояния считалось проявление «любовного» отношения друг к другу, уважения к старшим членам семьи. У мокши это нашло отражение в соответствующей пословице: *Песь тонафтк вешказа, жаба — келгымаза* («Собаку учи дубиной, дитя любовью») (Майнов 1885: 129). Исходя из сказанного можем сделать вывод, что семейный союз у мордвы основывался на взаимной любви, и случаи злоупотребления или превышения власти отца, как и недовольства детей, встречались редко.

Положением от 19 февраля 1861 г. крестьянам было предоставлено право самостоятельно ведать семейными разделами (п 5. ст. 51) (Общее положение о крестьянах 1861). В результате после отмены крепостного права семейные разделы увеличивались с каждым годом. Доходило до того, что не только братья, но и отец с сыном разделялись на разные хозяйства и жили как чужие. Согласно статистическим данным Министерства внутренних дел, количество семейных разделов в период с 1861 по 1884 г. составляло весьма внушительную цифру, а именно 2 626 573 на 44 губернии страны (Мухин 1888: 34). В связи с этим, констатируя вредные для крестьян последствия как в экономическом, так и в нравственном отношении, происходившие от столь ненормального увеличения семейных разделов, правительство издало закон от 18 марта 1886 г., ограничивавший и упорядочивавший производство разделов, чем поставило под контроль мировых посредников и уездных по крестьянским делам присутствий.

В мордовских семьях кровные родственники после смерти хозяина, как правило, получали равные доли. Об этом находим свидетельство у В. Н. Майнова: «При дележе имущества не принимается никогда в расчет то обстоятельство, кто более потрудился в пользу дома». Так, неженатый сын получал часть наравне с прочими, поскольку считался представителем будущей семьи (*накаръне*) (Майнов 1885: 175).

Чаще всего раздел имущества происходил после смерти главы семьи — пока он был жив, об этом говорить не смели, поскольку он являлся авторитетом для членов своей семье и его боялись. После кончины домохозяина воспрепятствовать желанию родственников разделить не допускалось, о чем читаем у В. Н. Майнова: «...Брат от брата, племянник от дяди и дядя от племянника могут требовать раздела» (Майнов 1885: 177).

Следует отметить, что при разделе имущества хозяин семьи мог оставить одному из сыновей большую долю. Чем почтительнее они относились к родителю, тем больше получали, и напротив: меньше рисковали получить те, кем он был недоволен. Неравенство паев братьев происходило также по той причине, что домохозяин мог выделить пай себе на старость (*сирэти сакалти*, т. е. на седую бороду) и передавал его, как правило, тому из детей, к кому переходил жить. При этом, пока был жив глава семейства, его пай находился в управлении приютившего сына и переходил в собственность последнего только после смерти владельца (Майнов 1885: 180–181).

Предоставление дома тому или другому сыну зависело также от воли отца, и главным фактором здесь служило его отношение к детям: имущество доставалось наиболее любимому из них. Тому, кто оставался без дома, братья обязывались его выстроить, причем родитель должен был проконтролировать, чтобы это обязательство было реализовано (с. Лебежайка Хвалынского уезда Саратовской губернии) (Майнов 1885: 181–183). Сказанное в большей степени справедливо для мокши. У эрзи же по-

мещение делили по жребью. Проигравший, но желавший его получить предлагал выигравшему отступные. Последний мог их принять, а мог отказаться — в таком случае остальные претенденты были вынуждены смириться с положением дел.

Глава семейства перед смертью мог оставить завещание, которое, как отмечал В. Ф. Мухин, являлось «святым законом», а его нарушения считались великим грехом, вследствие чего споры по ним до суда доходили редко (Мухин 1888: 72). По данному поводу В. Н. Майнов писал: «...Всякий родитель имеет право завещать имущество одному или нескольким из всех наследников, даже такому, который никаких прав на наследство не имеет, но по народной памяти никогда подобного не случилось, так как за что же бы он обидел остальных своих наследников; иное дело, когда старик, умирая, еще раз перед смертью повторял во всеулышание свою волю, как следует распределить остающееся после него имущество правильное и ровнее — это последнее распоряжение делается всегда и считается священным» (Майнов 1885: 190).

У мордовского населения дедушки и бабушки также могли завещать имущество внукам. Названный обычай был более свойствен мокше, но встречался и у эрзи. На практике у последних подобный дар поступал в полную и нераздельную собственность семьи, а действительный его владелец пользовался лишь правом номинального владения. Однако его согласие, даже если он был малолетним, в случае продажи такого имущества получить было необходимо. Иначе обстояло дело у мокши: наследник реализовывал фактическое право собственности на подарок и его приплод, хотя, например, шерсть от овец или мед от пчел считались общим достоянием семьи. При этом если в качестве подарка выступало некое животное или улей с пчелами и по какой-то причине они заболели, а лечил и кормил их на протяжении зимы иной член семьи, право собственности на данную часть хозяйства переходило к нему. Это правило нашло отражение в следующей пословице: *Ревезез — озалзэ, касыф реवेशь — илэ павас* («Моя овца — моя беда, дареная овца — чужое счастье»).

Как известно, еще со времен Киевской Руси общеустановленной формой собственности являлась семейная и распространялась она не на отдельное лицо, а на семью в целом. По свидетельству В. Н. Майнова, «...кроме кое-каких безделушек, как например, свадебных подарков, ни один член семьи не может иметь своего личного имущества, так как “пчела ест мед из одного улья, а не из своего мешка”, поэтому все, что принадлежит семье, принадлежит отчасти и ему и поэтому имущество должно быть общесемейским». (Упомянув здесь членов семьи, автор подразумевает только лиц мужского пола. — Л. Н.). Мордва-эрзя в связи с этим говорила: *Конаш-каста семеава ерят — некэт пешкедз, а лисят — ватиомат* («Пока живешь в семье — сыт бываешь, а уйдешь — проголодаешься») или *И лэзэ семеанен, и коламо семеанен* («И прибыток в семью, и убыток в семью») и не признавала даже возможным иметь что-либо свое (Майнов 1885: 137, 162).

Земледельческая форма труда, требовавшая для успешности дела участия многих лиц, препятствовала образованию личной, отдельной собственности, поскольку экономическая сторона хозяйства семьи складывалась в результате совокупных действий всех ее членов. Поэтому труды как супругов, так и всех остальных семейских были направлены на накопление и увеличение единого семейного имущества. Подобный взгляд на вопросы собственности оформился в виде следующей пословицы: *Ниле граблетне фкэ марс кргайхть* («Четыре грабли в одну кучу гребут»).

Тем не менее, если у эрзи члены семьи не могли иметь личной собственности, то у мокши, напротив, — имели полное право работать на себя и копить денежные средства, например, на обучение сыну. Неотделенные могли иметь свое имущество, если оно было нажито от случайных доходов (сбор грибов, ягод и т. д.) (Майнов 1885: 126–127, 138–139). Заработанные подобным образом деньги шли на покупку, в частности, украшений для своего приданого (ожерелья *кыргакс*, головного убора и т. д.).

Известно, что приданое готовилось задолго до свадьбы. У эрзи содержимое такого короба (*парькэ*) копилось как невестой, так и всеми членами семьи, а у мокши его (*парчинэ*, или *парга*) формирование входило полностью в обязанности невесты, которая нередко тратила на это собственные заработки, но также могла взять имущество, подаренное членами семьи, в том числе домашних животных.

Право распоряжения и управления общим семейным имуществом принадлежало главе семейства (большаку). Однако это не означало, что данное имущество использовалось бесконтрольно, хотя многое зависело от степени уважения названного лица. Это подтверждает известный в народном быту факт передачи отцом власти кому-либо из членов семьи вследствие преклонности своих лет, сознания неспособности к дальнейшему заведыванию хозяйством, либо если распоряжения главы семейства влекли за собой ущерб семейному имуществу. У мордвы, по сведениям В. Н. Майнова, «...роль отца, как главы семьи, значительно усиливается тем, что на нем лежали обязанности жреца, заступника перед богами за семью. Поэтому власть отца-хозяина была сильна, и все находилось в его воле. Большак распоряжался имуществом семьи вполне бесконтрольно, хотя на самом деле этот контроль существовал в лице членов его семьи. Продать, купить, заложить дом или землю большак ни в коем случае не решится, не посоветовавшись с семейскими». «Воля отца при дележе представляет собой вполне обязательный для всех и каждого закон... Отец властен в случае непокорности того или другого члена семьи и желания, высказанного последним, удалиться из семьи, отпустить такого смутьяна ни с чем, разве только оставив на нем носильное платье» (Майнов 1885: 127, 137, 161, 179).

Согласно опубликованным источникам, в принципах передачи управления общим семейным имуществом у эрзи и мокши имелись некоторые различия. Так, у первых после смерти хозяина дома вступал в отправление обязанностей большака (*кудазырьга*) старший брат. У вторых же сначала делами занимался тот из семейских, кто поумнее, позднее, по прошествии поминального срока, члены семьи устраивали выборы нового главы (Майнов 1885: 160).

Кроме того, после смерти отца управление общесемейными делами и домом могло перейти к вдове (*кудынь-азырь-ава*, эрз.). Она пользовалась равной с хозяином властью и вместе с детьми была вправе оставаться в доме покойного мужа, заведовать им, самостоятельно распоряжаться имуществом, но не могла ни продать, и ни заложить строение. По истечении времени власть матери прекращалась и данные управленческие функции перенимали старшая сноха и ее муж, а вдова становилась подчиненным членом семьи. У эрзи ни совершеннолетие, ни женитьба, ни даже наличие у сыновей своих детей не лишало вдову права быть хозяйкой или опекуном. Однако, когда ей эта роль надоедала, она могла разделить имущество между детьми. Если глава семьи не успевал отделить сына и последний, не дождавшись раздела умирал, то его жена получала (при наличии детей) часть имущества, полагающуюся мужу. Что касается наследства, оставшегося после смерти бездетного сына, то у

мордвы-эрзи такое имущество целиком возвращалось родственникам; напротив, у мордвы-мокши — предоставлялось вдове, поскольку в соответствии с народными воззрениями «Яблоня не виновата, что яблок нет» (Майнов 1885: 186-187).

Что касается ситуаций растраты общесемейного имущества главой семейства, то он, по мнению мордвы, ответственен только перед Богом. В частности, эрзяне об этом говорили: *Тсиора тэйти еряви пулямс, а тэтя — Пазти* («Сын отцу винись, а отец — Богу»). Зафиксированы случаи, когда дети подавали жалобы в волостной суд за подобную растрату. Однако повсеместно суды выносили аналогичные решения: «А так как оное имущество нажито Петром Ряббоевым, то он волен в нем распоряжаться; сына его Василия за беспокойный дух его, постыдив, наказать при волостном правлении» (Майнов 1885: 139).

В изучаемый период случаи растраты общесемейного имущества почти не встречались, поскольку отец не предпринимал самостоятельных решений, а только советовался с членами семьи. Тем не менее В. Н. Майновым зафиксировано, что «...и среди мордвы находятся такие старики, которые забыв всякий стыд и нравственную ответственность перед миром (шабрами), пьянствуют и тратят все, что успели нажить сами и их предки». У эрзи никто не мог остановить пожилого человека в его стремлении вести такой образ жизни, пресечь его. Считалось, что этот вопрос относится исключительно к семейной сфере, куда, как было сказано выше, даже судьи не решались вмешиваться. У мокши же имелись некоторые рычаги влияния. Так как отец всегда находился под контролем соседей (*шабров*), сход на время мог лишить мужчину главенства в доме и передать управленческие функции наиболее способному к этому члену семьи, которым не обязательно становился старший сын. Свидетельством тому служит сохранившееся у мокши суждение: *Кули быка кулась, вазнэн тэрдедак* («Если бык пал, теленка запряги») (Майнов 1885: 141).

Отметим, что чаще всего ситуации подобной растраты были зафиксированы среди тех, кто уходил на дальние заработки. Суммы, зарабатываемые отхожими промыслами, могли быть крупными, что в отсутствие семьи приводило к беспорядочной жизни и употреблению спиртных напитков. Кредитная ответственность после смерти отца падала на всех членов семьи, а у эрзи — даже на отделенного сына. Последний мог уплатить долг в рассрочку, работой. По словам В. Н. Майнова, «в с. Борисове Нижегородского уезда для решения вопроса с задолженностью было возможно продавать свадебные подарки» (Майнов 1885: 142).

У эрзи растрата общесемейного или имущества жены («бабье добро») вследствие склонности супруга к пьянству давала ей право пожаловаться старшему сыну, который мог пожурить и проучить отца. У мокши в аналогичной ситуации жена, как правило, обращалась к старикам и, если они убеждались в ее правоте, то виновного секли кнутом. В случае продажи супругом имущества жены без ее ведома последняя могла пойти в суд. Например, в Атяшевском волостном правлении рассматривалось дело А. Трефелевой, муж которой продал 5 золотых монет с ее головного убора. Женщина доказала, что деньги были накоплены и пришиты ее прабабкой Анной по материнской линии. Решением суда обвиняемый Иван Трефелев обязывался уплатить жене 75 рублей или приобрести в г. Пензе 3 золотых катерининских и 10 крестовых серебряных рублей. «А чтобы впредь с чужим добром умел обращаться, дать ему 18 розог и арестовать на 2 дня» (Майнов 1885: 127–128). Из данного приговора видно, что имущество жены в случае ее растраты супругом охранялось строго.

Как и у большинства народов, у мордвы семьи были многодетными. Известно, что рождение сына всегда встречалось с большей радостью, чем рождение дочери. Подобное народное отношение нашло отражение в следующей пословице: *Стирть коднэ тряк ще аннек сон ломанен, а тсиоратсэ прокс кормилетсэ* («Дочь, как ни холь и корми, она людская, а сын всегда твой кормилец») (с. Мамолаево Краснолободского уезда Пензенской губернии) (Майнов 1885: 142). Об этом же свидетельствует В. Н. Майнов: «...Совершенно иначе, нежели сыновья поставлены в мордовской семье дочери, которые считаются... хорошою рабочею силою и потому как можно дольше не выдают замуж. “Где кобыла не везет — запряги девку”, — говорит мокшанин, но в то же время решительно ничем не вознаграждает девушку за ее труды в пользу семьи. Когда она выходила замуж, члены семьи хлопотали о том, чтобы получить приличное вознаграждение за потерю рабочей силы» (Майнов 1885: 183). У мордвы-мокши кормить сестер, устраивать им пышные свадьбы должны были братья, и денег на это не жалели. Напротив, у эрзи сыновья-наследники могли поделиться частью своего имущества, даже если глава семейства был против. В отсутствие сыновей наследницей могла выступать дочь, о чем прямо говорит В. Н. Майнов: «Если у отца остается в живых одна лишь дочь, то он волен отдать ей дом и все имение» (Майнов 1885: 184).

Ограничивая права в наследовании семейного имущества согласно условиям и требованиям экономического строя, обычное право тем не менее успело выработать некоторые меры, обеспечивавшие положение дочерей. Меры эти заключались, с одной стороны, в обязанности сначала отца, а затем и братьев дать сестрам приют и содержание, а также заботиться о выдаче их замуж, а с другой — в предоставлении дочерям приоритетного в сравнении с сыновьями права наследования материнского имущества (Мухин 1888: 152–153). Последнее образовывалось преимущественно из приданого и частично из личных заработков.

По словам В. Н. Майнова, принесенное женщиною в дом приданое (короб, или *парк*) составляло ее неотъемлемую собственность. Как правило, оно включало в себя «разную рухлядь» и наряды, поэтому особого интереса не вызывали даже украшения с золотыми или серебряными монетами. Если супруги жили в согласии, то после смерти жены, в отсутствие детей, вдовец мог отдать ее приданое в соответствии с желанием покойной младшим сестрам. В противном случае, он мог распорядиться ее имуществом по своему усмотрению. У мокши сыновья также имели право на оставшееся после матери имущество, но оно в большинстве случаев переходило к дочерям; у эрзи оно передавалось в собственность вдовца, безотносительно наличия в семье девочек (Майнов 1885: 118, 186–188).

В отсутствие сыновей семейное имущество после смерти отца становилось выморочным, или бесхозяйственным. В. Н. Майнов об этом писал: «...Коли посетит семью особое несчастье и останутся отец с матерью совершенно без детей, то имущество такой выморочной семьи не поступает в собственность мира, а идет на благотворительные дела (у мокши). У эрзянского населения значительная часть такого имущества переходила к ближайшим родственникам выморочной семьи, т. е. в семьи отцовых братьев, но считали, что такое противозаконное наследование впрок не шло, а тащило за собой и собственное имущество, причем все у них шло прахом». Мордва-эрзя указанное имущество отдавала главным образом в церкви или нищим, а мокша — монастырям на вечное поминовение покойников (Майнов 1885: 184).

Рассмотрим порядок наследования для лиц, входящих в состав крестьянской семьи «на правах родных детей», каковыми являются пасынки, приемыши, зятья и незаконнорожденные дети, т. е. особые члены семьи.

В случае отсутствия детей супруги прибегали к усыновлению, хотя подобные ситуации являлись редкими. Второй важной причиной усыновления выступал недостаток рабочих рук. Как правило, в сравнении с девочками в приоритете были мальчики. В семье принимали как малышей, так и взрослых (нехарактерно для эрзи), но для последних имелось непереносимое условие — бездетность. Предпочтение отдавали родственникам. У мордвы право на усыновление распространялось не только на мужчин, но и на женщин, действовавших в качестве глав семьи или получивших разрешение на подобный шаг от хозяина дома.

К усыновлению относились, скорее, положительно, поскольку в результате в хозяйстве появлялась новая рабочая сила, которой трудолюбивый мордвин дорожил настолько, что мог спокойно относиться к вольному поведению незамужних дочерей. Следует отметить, что у эрзи усыновление не играло роли в имущественных отношениях семьи, не становилось препятствием к браку, поэтому эрзяне охотнее шли на усыновление, нежели мокшане. Последние не считали возможным усыновление кого-либо юридически, т. е. с последующим наделением его полностью или частично правами сына, поскольку «...для передачи каких бы то ни было прав в семье требуется, чтобы лицо было непременно одних кровей». Так, в селах Мамолаево Краснослободского уезда Пензенской Губернии и Мордовский Кемешкер Кузнецкого уезда Саратовской губернии соответствующая позиция получила такое выражение: *Мезара верт — тенара йавафт* («Сколько кровей (кровных) — столько частей») (Майнов 1885: 7–8).

Специальных обрядов, связанных с усыновлением, у мордвы не зафиксировано, нужно было лишь явиться в волостное правление. В новом качестве от усыновленного требовалось называть усыновителей отцом и матерью, для них же обращение к нему как к сыну не являлось обязательным. Самым важным условием во всем этом процессе выступал своевременный отказ от прав на ребенка его фактических родителей. По свидетельству В. Н. Майнова, при нормальном развитии ситуации «...усыновленный наследует при отце и пользуется всеми имущественными правами наравне с родными сыновьями» (Майнов 1885: 149).

Различий между единокровными и единоутробными детьми, приемышами и усыновленными эрзянское население в отличие от мокшанского не делало. У последних же на этой почве отмечались ссоры и недовольство. Приемные дети у мокши (*трэи-тсиора*, т. е. выкормок) были обязаны содержать родителей-усыновителей. Единокровных, детей от «живой жены», любили больше, нежели осиротевших и старались быстрее «поставить на ноги» (Майнов 1885: 145). Мордва в целом высоко ценила вдов, которые после смерти супруга отдавали все силы воспитанию подрастающего поколения и не пытались вновь выйти замуж.

К незаконнорожденным детям эрзянское население также относилось гораздо лучше, в сравнении с мокшанским. По мнению В. Н. Майнова, это обуславливалось тем обстоятельством, что количество подобных случаев в местностях проживания эрзи было гораздо выше, поскольку добрачные отношения в народе не осуждались. Однако считалось необходимым «прикрыть грех», для чего настаивали на том, чтобы мужчина женился, узаконив ребенка. Если же он отказывался, иной желающий находился

быстро, поскольку произошедшее прямо доказывало, что будущая жена способна к деторождению. Таким образом, молодая женщина с ребенком имела все шансы удачно выйти замуж. У В. Н. Майнова об этом находим: «... Не беда если девушка не смогла уберечь себя, так как венец все покрывает. ... доброе подспорье по хозяйству; любезна ему жена, которая даст ему много сыновей, не дурна и та, что дочерей нарожает — все-таки помощницы будут. Девушка, которая увлеклась и родила, только доказала этим, что она не будет бездетной, а стыда в этом нет — виноват тот, кто “крандаша айдясь — пыльгеки кадась, т. е. “на телеге проехал — следы оставил”» (с. Верхиссы Инсарского уезда Пензенской губернии). В языке мордвы-эрзи также сохранилась соответствующая поговорка: *Траксь арды — вазась кудъазырти* («Корова гуляет — теленок хозяину») (Ардатовский уезд Нижегородской губернии) (Майнов 1885: 22–23).

У мокшанского населения провинившаяся девушка осуждалась как развратница, а ее ребенок, называемый *палакста шачф*, т. е. в крапиве рожденный, не мог пользоваться одинаковыми правами наравне с законными детьми. Тем не менее некоторую часть от общесемейного имущества он мог получить. У мокши, как уже говорилось выше, лишний работник был дорог семье, поэтому супруг брал незаконного сына своей жены в приемыши, после чего тот переходил в статус *трэи-тсиора* (Майнов 1885: 146–147).

Другое дело, если в семье не было детей, или, по крайней мере, детей мужского пола, которые могли бы продолжить род и поддерживать хозяйство, когда придет старость и некому будет «кормить и покоить» чету до смерти. В таких случаях возникала потребность принять посторонних лиц на правах родных детей, другими словами, как настоящих членов семьи. Приемыши пользовались семейным достатком, ели, пили и одевались за общесемейный счет. Однако при разделе семейного имущества они не должны были рассчитывать на какую-либо его часть, хотя могли получить ее из милости поскольку угодили, в первую очередь, отцу семейства. При этом по смерти хозяина дома и в отсутствие его волеизъявления приемыша нередко удаляли из приютившего его дома с пустыми руками. Таким образом, особые члены наследовали имущество, как правило, по распоряжению главы семейства.

За неимением отцовского наказа в отношении приемных детей им могла быть выделена некоторая доля имущества по усмотрению наследников с учетом вклада в семейный бюджет в результате выполняемой приемышами работы. Кроме того, для получения ими какого-либо имущества было необходимо наличие хороших отношений со всеми членами семьи. Если хотя бы с одним из них отношения не сложились, человек входил в дом на правах работника и ему делались определенные поправки. Так, он обладал некоторыми правами на имущество принявшей его семьи (а именно обшивался женщинами), если был холост; его жена пользовалась правами младшей невестки (с. Семейкино Самарского уезда, с. Мечкасы Петровского уезда Саратовской губернии) (Майнов 1885: 8).

Взгляды на взятого в дом зятя у эрзи и мокши также различались. В первом случае зять считался усыновленным, во втором нет, поскольку иерархически он выше детей по правам. У эрзи зять должен был расстаться со своим прозвищем и принять прозвище жены, а у мокши — оставлял свое. Никаких актов при этом не совершалось в силу утвердившегося обычая, а главное, это событие не влекло за собой ограничений мужчины в имущественных и семейных правах, что сводило на нет вероятность возникновения недовольства и споров (Майнов 1885: 150).

Рассмотрим наследственные отношения занятых на отхожих промыслах. Недостаточное количество земли, ее плохое качество, неурожай и другие причины побуждали крестьян изыскивать новые источники доходов и средств к существованию помимо земледелия. Среди них в первую очередь стоит назвать отхожие промыслы, предполагавшие более или менее продолжительное отсутствие человека в домохозяйстве. Член семьи, ушедший на заработки, еще не отделенный юридически, но уже фактически разобщенный с семьей, естественно, приобретал большую имущественную самостоятельность; при этом, однако, связь с семьей поддерживалась, как и обязанность передавать туда полученные денежные средства (Мухин 1888: 94). У В. Н. Майнова по данному поводу находим: «...Весь заработок член семьи обязан целиком принести семье, ничего не утаивая. Сколько бы времени такой находчик не пробыл на заработках, он ни в коем случае не теряет свое право на общесемейное достояние; даже если бы он долго не писал домашним. Исключают его из семьи лишь в том случае, когда получают сведения о его смерти» (Майнов 1885: 126).

Следует коснуться также имущества солдат. До издания Устава о податях 1857 г. (Свод законов Российской империи 1857: 73) солдат рассматривался как отделившийся член семьи и не получал доли из отцовского наследства. Своего рода выделом, конечно, можно считать денежные средства, передававшиеся мужчине семьей в связи с его поступлением в рекруты. Однако, после двадцатипятилетней службы мало кто возвращался на родину, поэтому не было необходимости заботиться об их будущем. По мнению мордвы, о служилых заботилось государство, что оформилось в выражение: «Солдата пуговица и форма кормят».

После издания указанного документа правовое положение сыновей-солдат значительно изменилось. С поступлением новобранца на службу его связь с семьей и сельским сообществом не прерывалась. С увольнением в отставку или бессрочный отпуск солдат снова вступал в принадлежавшие ему ранее права, в том числе право участия в пользовании отведенной в надел обществу мирской землей на аналогичных с прочими членами общества основаниях, а также в наследование имущества наравне с другими братьями (Мухин 1888: 159–160).

Следует отметить, что мордва-мокша считала солдата равноправным членом семьи. По возвращении со службы он получал равную, а иногда и большую долю, так как «страдал на службе» и «терял свои зубы на учениях», как шутили в народе. У мордвы-эрзи, напротив, солдат получал пай лишь в том случае, если высылал родителям деньги, независимо от того, была ли у него своя семья или нет (Майнов 1885: 189).

* * *

Итак, мы рассмотрели имущественные и наследственные отношения мордовских крестьян, проживавших на территории Поволжья во второй половине XIX в., в первую очередь основываясь на свидетельствах В. Н. Майнова, а именно труде 1885 г. издания «Очерк юридического быта мордвы», в который полностью вошел массив информации, собранной им в 1877 г. в ходе этнографических выездов в губернии Европейской части страны (Казанской, Нижегородской, Пензенской, Самарской, Симбирской и Тамбовской).

Представленный материал позволяет сделать заключение о том, что у мордовского населения в указанный период сложилась преимущественно единая струк-

тура наследственных и имущественных отношений. При этом имелись небольшие различия в подходе к решению частных вопросов мордвы-мокша и мордвы-эрзя, а именно в управлении общим семейным имуществом, в оценке растраты семейного имущества, в наследовании имущества бездетным сыном и внуками, в выделе имущества будущей сестре-невесте, в наследовании личного имущества покойной матери, в случае отсутствия детей в семье, в деле усыновления, а также касающиеся имущества солдат.

Стоит подчеркнуть, что не все положения работы В. Н. Майнова можно считать достаточно аргументированными. Вызывает сомнение, например, его утверждение об одобрительном отношении мордвы к несоблюдению девушкой целомудрия до вступления в брак. Так, данные многих дореволюционных и современных исследований, в том числе полевые сведения, собранные автором во время этнографических выездов на территории проживания мордвы (2002–2009 гг. по районам Мордовии, Саратовской области, Сибири и Дальнего Востока), указывают на то, что среди мордвы добрачные связи решительно осуждались: это считалось позором и для самой девушки, и, особенно, для ее младших сестер, и для воспитавших ее родителей. К такой девушке относились с пренебрежением, подвергали насмешкам, оскорблениям и, как правило, не рассматривали в качестве будущей жены.

Безусловно, проведенное В. Н. Майновым историко-правовое исследование заложило базу для дальнейшего изучения юридического быта мордовского народа. Его многолетний труд лег в основу многих диссертационных исследований, публикаций по историко-правовой тематике. Тем не менее в настоящее время наследственное право мордовских крестьян все еще остается мало исследованной страницей в российской историко-юридической науке, и данная тематика имеет широкие научные перспективы.

Источники и материалы

Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. СПб.: Типография МВД, 1885. 267 с.

Матвеев А. Что сделано у нас по обычному праву // Записки РГО по отделению этнографии. 1867. Т. 1. С. 645–647.

Мухин В. Ф. Обычный порядок наследования у крестьян: К вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению. СПб.: Редакционная комиссия по составлению гражданского уложения, 1888. 333 с.

Общее положение о крестьянах 1861 — Общее положение о крестьянах Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. 1861. <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/krest.htm> (дата обращения: 18.09.2022 г.).

Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. 2. Семейные права, наследство и опека. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1879. 400 с.

Победоносцев К. П. Курс гражданского права. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1889. 712 с.

Поворинский А. Ф. Систематический указатель русской литературы по гражданскому праву. СПб.: Издание Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения, 1886. 394 с.

Свод законов Российской империи 1857 — Свод законов Российской империи, Издание 1857 года. Т. 5. Уставы о податях, о пошлинах, и о сборах с питей, с свеклосахарного производства, и с табаку. СПб.: В типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. С. 1–264.

Якушкин Е. И. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. Ярославль: В типографии Губернского правления, 1875. 249 с.

Научная литература

Мокшина Ю. Н. Брак и семья в обычном праве мордвы. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2005. 252 с.

Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2009. 576 с.

References

Mokshina, Yu. N. 2005. *Brak i sem'ia v obychnom prave mordvy* [Marriage and Family in Mordovian Customary Law]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 252 p.

Sushkova, Yu. N. 2009. *Etnopravosudie u mordvy* [Ethno-jurisprudence Among the Mordovians]. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta. 576 p.